

АМЕРИКАНСКИЕ И БРИТАНСКИЕ АВТОРЫ О РОЛИ СУЭЦКОГО КРИЗИСА 1956 г. В ПОЛИТИКЕ США И СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

В.П. Румянцев

В статье анализируются различные оценки Суэцкого кризиса 1956 г. в американской и британской историографии. Среди множества работ, посвященных этому международному конфликту, можно выделить две противоположные точки зрения. Согласно первой из них, Суэцкий кризис стал водоразделом в истории как британской деколонизации и ускоренного ухода с Ближнего Востока, так и вовлеченности США в дела этого региона. Вторая точка зрения исходит из того, что Суэцкий кризис весьма незначительно повлиял и на политику Великобритании, и на американско-британские отношения на Ближнем Востоке. Дискуссиям о роли Суэцкого кризиса придает дополнительную остроту актуальность итогов этого конфликта для современной мировой повестки дня.

Ключевые слова: Суэцкий кризис, США, Великобритания, американская и британская историография

This paper analyzes various assessments of the 1956 Suez Crisis in American and British historiography. Among the great variety of materials devoting to this international conflict, the paper focuses on two opposing points of view. According to the first of them, the Suez crisis became a watershed in the history of both British decolonization and accelerated withdrawal from the Middle East, and the U.S. involvement in the affairs of the region. The second point of view proceeds from the fact that the Suez crisis had a very insignificant impact on both British policy and U.S.—British relations in the Middle East. Results of the Suez crisis are still relevant for the modern world agenda. Therefore, discussions about the impact of the Suez crisis become more acute.

Key words: Suez Crisis, the United States, Great Britain, American and British historiography

DOI: 10.32608/1010-5557-2023-2023-267-286

Румянцев Владимир Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения. ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Среди международных конфликтов времен холодной войны особенно выделяется Суэцкий кризис 1956 г. Он стал первым конфликтом на Ближнем Востоке, в котором проявилось соперничество Советского Союза с западными странами, первой совместной военной операцией ряда ведущих стран НАТО на Арабском Востоке (и первой же неудачной для этих стран операцией), первой победой арабского национализма в лице президента Египта Г.А. Насера.

Суэцкий кризис возник после национализации египетским президентом Г.А. Насером компании Суэцкого канала 26 июля 1956 г. Значительная часть акций этой компании принадлежала Великобритании, для которой национализация стала ударом по ее международному престижу. Не удивительно, что в Лондоне практически сразу же был взят курс на силовой возврат Суэцкого канала под иностранный контроль, а в идеале — и на свержение Насера. Египетского лидера нужно было проучить. Препятствием стало сопротивление этому курсу в Вашингтоне, где глава Белого дома Д. Эйзенхауэр рассчитывал на переизбрание на второй президентский срок, и силовая операция основного партнера США по НАТО могла осложнить эти планы.

Урегулирование ситуации вокруг национализации Суэцкого канала в августе—сентябре 1956 г. шло по дипломатическим каналам. Но вопреки американским предостережениям, в Лондоне решили согласиться с планом, предложенным Израилем и Францией в конце октября. По этому плану, напасть на Египет должен был Израиль, а Франция с Великобританией выступили бы в качестве силы, вмешивающейся в конфликт в целях предотвращения его эскалации. Каждая из сторон торопилась начать военную операцию по своим причинам. Великобритания сделала это, опасаясь ухудшения погодных условий в Восточном Средиземноморье, где ближе к декабрю начинались штормы. Кроме того, в Соединенном Королевстве зрел финансовый кризис, который мог осложнить проведение военной операции, в случае ее откладывания на конец ноября.

Израиль ввел 29 октября 1956 г. свои войска на территорию Египта. Как и договаривались участники антиегипетской коалиции, Лондон и Париж выступили с ультиматумом, требующим прекратить кровопролитие и отвести войска от зоны Суэцкого канала. Египет этот ультиматум отверг, и Франция с Великобританией начали свою часть военной операции. До президентских выборов в США оставалось несколько дней. Д. Эйзенхауэр был взбешен не только из-за игнорирования заокеанскими союзниками просьбы не осложнять электоральные перспективы администрации республиканцев, но по причине совпадения агрессии против Египта с подавлением Советским Союзом

мятежа в Венгрии. Теперь внимание мировой общественности переключилось от событий в Будапеште к войне на Ближнем Востоке. США оказали политическое и экономическое давление на Великобританию и Францию. Одновременно с угрозами применить силу против агрессоров выступил СССР. В этих условиях в Лондоне сочли необходимым прекратить военную операцию. Британскому примеру последовали Франция и Израиль. Суэцкий канал остался под контролем Египта. В декабре 1956 г. британские и французские войска были выведены с египетской территории. Через несколько месяцев то же сделал Израиль.

Почти сразу после завершения англо-франко-израильской агрессии против Египта, буквально «по горячим следам» уже стали появляться исследования, посвященные этому конфликту. Одной из первых публикаций стала книга П. Джонсона «Суэцкая война», опубликованная в самом начале 1957 г.¹ В рецензии на нее депутат британского парламента от Лейбористской партии Р. Кроссмэн проорочествовал: «Над моей книжной полкой, всей забитой книгами под одной объединяющей надписью — “Мюнхен”, я расчистил еще одну полку и прикрепил к ней название — “Суэц”. Она, я полагаю, скоро тоже будет ломиться от книг. И Мюнхен, и Суэц были самодостаточными эпизодами, которые смогли за несколько недель отразить в себе все конфликты своего десятилетия»². Британский политик оказался прав. Суэцкий кризис, действительно, стал одним из самых популярных сюжетов историографии международных отношений после Второй мировой войны.

В Соединенных Штатах историки тоже старались дать свою оценку Суэцкому кризису уже в первые месяцы после его завершения. Интересно, что в работах американских авторов Э. Ленджила, У. Лонгуда содержалась критика действий администрации Д. Эйзенхауэра, хотя сами работы можно было отнести скорее к жанру публицистики, чем к историческим исследованиям³. Критика, которой подверглась администрация Д. Эйзенхауэра за «слабость» и «нерешительность» ее политики во время этого конфликта, отражала неоднозначную оценку американской научной и политической общественностью позиции, занятой правительством США в отношении Суэцкого кризиса. Вместе с тем американские авторы не без основания утверждали, что за возникновение этого международного кризиса свою долю ответственнос-

¹ Johnson P. The Suez War. London, 1957.

² Crossman R.H.S. Tragedy or Melodrama? // The New Statesman and Nation. 1957. January 19. P. 74.

³ Lengyel E. Egypt's Role in World Affairs. Washington (D.C.), 1957; Longood W.F. Suez Story. Key to the Middle East. New York, 1957.

ти несли и Соединенные Штаты. Весной—летом 1956 г. американская дипломатия перешла к тактике нажима на Египет, будучи недовольной креном Каира в сторону Москвы и Пекина. В определенной степени этот нажим спровоцировал решение египетского руководства национализировать компанию Суэцкого канала.

Стремление дать политическую оценку действиям американской дипломатии во второй половине 1956 г. было характерно и для большинства последовавших изданий, что было особенно заметно в период президентства Дж.Ф. Кеннеди и Л. Джонсона, активно критиковавших внешнюю политику своего предшественника Д. Эйзенхауэра. Так, в одном из первых исследований политики США во время Суэцкого кризиса, предпринятом Г. Файнером в 1964 г., усиленно осуждалась тактика действий госсекретаря Дж.Ф. Даллеса за ее якобы «пассивность», а самого главу американской дипломатии автор обвинял в неспособности выдержать «войну нервов». Файнер ставил в вину тогдашнему государственному секретарю США отсутствие достаточной твердости в период Суэцкого кризиса, которое, по его мнению, привело к усилению влияния Советского Союза в арабских странах⁴.

Публикации в 1960-х гг. мемуаров общественных и политических деятелей США и Великобритании вызвали новый интерес к проблемам ближневосточной политики. Довольно характерный для западной историографии взгляд на американо-британские отношения в период Суэцкого кризиса был представлен в монографиях Г. Аллена и Г. Николаса. Причины англо-американских противоречий в указанный период зачастую в этих работах сводились к субъективному фактору взаимной личной неприязни Дж.Ф. Даллеса и британского премьер-министра А. Идена⁵.

Фигура Дж.Ф. Даллеса, этого «рыцаря холодной войны», приковывала внимание многих исследователей. В начале 1970-х гг. в Соединенных Штатах вышли монографии М. Гахина и Т. Хупса, примечательные тем, что они отражали сложившиеся в американской историографии две точки зрения на внешнюю политику Дж.Ф. Даллеса⁶. В работе М. Гахина, выполненной в духе школы «политического реализма», утверждается, что госсекретарь США, являясь искушенным и опытным дипломатом, осознавал, в чем заключались национальные интересы Соединенных Штатов, и умел эти интересы отстаивать, несмотря на его увлечение антисоветской риторикой.

⁴ *Finer H.* Dulles over Suez: The Theory and Practice of His Diplomacy. Chicago, 1964. P. 512.

⁵ *Allen H.* Great Britain and the United States. London, 1961; *Nicolas H.* The United States and Britain. Chicago; London, 1975.

⁶ *Guhin M.* John Foster Dulles: A Statesman and His Times. New York; London, 1972; *Hoopes T.* The Devil and John Foster Dulles. Boston; Toronto, 1973.

Противоположного мнения придерживался Т. Хупс, о чем свидетельствует уже само название его работы, — «Дьявол и Джон Фостер Даллес». Труд этого автора насыщен обвинениями в адрес бывшего главы американской дипломатии в том, что он рассматривал внешнюю политику США исключительно сквозь призму холодной войны и противостояния с СССР. Действия же Даллеса во время Суэцкого кризиса, по мнению Хупса, создали угрозу глубокого кризиса внутри блока НАТО, обострив отношения Вашингтона с Лондоном и Парижем.

Долгое время наиболее фундаментальным исследованием Суэцкого кризиса в зарубежной историографии оставалась 700-страничная работа американского журналиста-международника К. Лава⁷. Автор — очевидец многих событий 1956 г. на Ближнем Востоке, на основании широкого круга источников в своей работе суммировал десятилетний опыт исследований различных сторон крупнейшего ближневосточного конфликта 1950-х гг. Особую значимость этому труду придают приводимые К. Лавом записи личных бесед и интервью автора с рядом американских, британских и египетских политиков и дипломатов. Однако американский журналист не рискнул подвергнуть сомнению официальную версию о том, что политика администрации Д. Эйзенхауэра была нацелена на недопущение вооруженного конфликта на египетской территории.

Кэмп-дэвидские соглашения 1979 г. вызвали у зарубежных авторов интерес к проблематике ближневосточного мирного процесса. Среди работ, посвященных политике США на Ближнем и Среднем Востоке, выделяется труд Г. Мейер «Египет и Соединенные Штаты»⁸. В своей монографии, оценивая сближение США и Египта на протяжении 1970-х гг., она делает вывод о том, что начало этому процессу было положено еще в 1950-х гг. Эта точка зрения, как показывают архивные документы Госдепартамента и открывшиеся в середине 1990-х гг. египетские архивные фонды, отражала реалии американско-египетских отношений периода президентства Д. Эйзенхауэра.

Суэцкий кризис нередко рассматривался авторами по разные стороны Атлантики в широком контексте политики США и Великобритании в отношении Египта. Одним из исследователей, работавших в этом русле, являлся профессор истории Университета штата Огайо П. Хан. Он настаивал на том, что действия Соединенных Штатов во время Суэцкого кризиса, формально направленные на мирное урегулирование, в действительности лишь способствовали дестабилизации обстановки в регионе. Трезвой оценке ситуации в Вашингтоне нередко мешала заикленность на противостоянии с Москвой.

⁷ Love K. Suez: the Twice-Fought War. New York; Toronto, 1969.

⁸ Meyer G. Egypt and the United States. The Formative Years. London, 1980.

В итоге США не удалось добиться стабильности в Ближневосточном регионе, поскольку стратегические интересы США и задача недопущения проникновения Советского Союза в этот район мира зачастую вступали в противоречие с растущим арабским национализмом⁹. В целом П. Хан повторил критические тезисы, высказанные Т. Хупсом в начале 1970-х гг.

Тему американско-египетских отношений продолжил другой американский историк, М. Холланд. В определенном смысле его работа полемизировала с исследованиями П. Хана. М. Холланд считает, что приходу к власти в Каире Г.А. Насера во многом способствовали усилия ЦРУ, и Соединенные Штаты не были заинтересованы во время Суэцкого кризиса в свержении этого египетского президента, считая, что в тех условиях США было бы трудно найти альтернативную Насеру фигуру лидера Египта, который действовал бы в соответствии с западными интересами и одновременно пользовался поддержкой широких слоев египетского общества.

М. Холланд предложил рассматривать американско-египетские отношения в контексте «восточного вопроса» политики ведущих держав мира, только в отличие от Нового времени и начала Новейшего периода в борьбу вокруг «наследия» Османской империи после Второй мировой войны помимо внешних сил активно вовлеклись местные акторы — в первую очередь Египет, Сирия и Ирак, в меньшей степени — Саудовская Аравия. Главный урок «восточного вопроса», по мнению М. Холланда, заключается в том, что ни одна держава не может добиться абсолютного контроля над Ближневосточным регионом, но смысл «игры» заключался не в ее конечном результате, а в самом процессе. Не случайно М. Холланд завершил свою монографию словами начальника египетской разведки З. Мохайдина, который определил цель этой «игры» так: «делать все, чтобы игра продолжалась»¹⁰.

М. Холланд использует довольно распространенный прием при изучении ближневосточной политики США. Он ставит в ее центр Египет и на нем показывает специфику практически всей политики Соединенных Штатов в Юго-Западной Азии. В этом отношении его работа следует традициям не только П. Хана, но и его предшественников — американских авторов Дж. Аронсона, У. Бернса (ныне — главы ЦРУ при администрации Дж. Байдена), швейцарской исследова-

⁹ *Hahn P.* The United States, Great Britain and Egypt, 1945–1956. Strategy and Diplomacy in the Early Cold War. Chapel Hill (N.C.), 1991; *Idem.* National Security Concerns in U.S. Policy Toward Egypt, 1945–1956 // *The Middle East and the United States. A Historical and Political Reassessment* / Ed. by D. Lesch. Boulder (Colo.), 1996. P. 91–101.

¹⁰ *Holland M.* America and Egypt: from Roosevelt to Eisenhower. Westport (Conn.), 1996. P. 173.

тельницы Г. Мейер¹¹. В этом же направлении, только с акцентом на британский подход к Египту, написана работа ирландского автора Р. Макнамары¹², отличительной чертой которой стал, к сожалению, не оригинальный взгляд самого исследователя, а многочисленные ошибки, допущенные им при оформлении книги, например, небрежная транслитерация фамилий. Так, британский верховный комиссар в Адене К. Тревакис «превратился» у Р. Макнамары в К. Тревакиса, а президент Ливана в 1958–1964 гг. Ф. Шехаб – в Ф. Чибаба.

Трагические события начала XXI в. – теракты в США 11 сентября 2001 г., военные операции в Афганистане и Ираке вновь обратили внимание исследователей на истоки текущей нестабильной обстановки на Ближнем и Среднем Востоке. Возникла школа исследований, пытающаяся объяснить ошибки и просчеты западной политики в регионе цивилизационным фактором, «ориентализмом» отношения Вашингтона и Лондона к арабскому миру, т.е. подходу к нему как к иной, менее развитой, требующей корректировки в своем развитии цивилизации. Представители этой школы исходят из трактовки термина «ориентализм», предложенной американским ученым палестинского происхождения Э. Саидом в конце 1970-х гг.

Одним из тех, кто исследует политику западных стран на Ближнем Востоке в фокусе столкновения цивилизаций, является профессор Университета Кларка (США) Д. Литтл. Его, как и многих других исследователей, к цивилизационной составляющей американской политики на Ближнем и Среднем Востоке вынудили обратиться трагические события 11 сентября 2001 г. Ответ на вопрос президента Дж.У. Буша-мл. «Почему они (арабы и жители развивающегося мира вообще. – *В.Р.*) ненавидят нас?» Д. Литтл предлагает искать в истоках американской политики в Ближневосточном регионе. «Под влиянием могучих расовых и культурных стереотипов, частично заимствованных извне, а отчасти доморожденных, изображающих мусульманский мир как упадочный и второсортный, политические лидеры США от Гарри Трумэна до Джорджа Буша трактовали стремление арабов к самоопределению как политически примитивное, экономически подозрительное и идеологически абсурдное», – утверждает американский исследователь¹³. В своей работе, носящей красноречивое название – «Американский ориентализм», Д. Литтл анализирует восприятие Соединен-

¹¹ *Aronson G.* From Sideshow to Center Stage: U.S. Policy toward Egypt. Boulder (Colo.), 1986; *Burns W.* Economic Aid and American Policy Toward Egypt, 1955–1981. Albany (N.Y.), 1985; *Meyer G.* Egypt and the United States: The Formative Years. Rutherford (N.J.), 1980.

¹² *McNamara R.* Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East: From the Egyptian Revolution to the Six Day War, 1952–1967. London; New York, 2004.

¹³ *Little D.* American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945. London, 2003. P. 11.

ными Штатами Ближнего и Среднего Востока, начиная с поездки знаменитого писателя М. Твена в этот регион в 1867 г., заканчивая началом ХХI в., подробно останавливаясь на роли нефтяного бизнеса, американо-израильских связях, политике в отношении Г.А. Насера, попытках добиться модернизации стран региона.

Но необходимо отметить, что Д. Литтл вовсе не был новатором «цивилизационного подхода» к политике США в Ближневосточном регионе. За несколько десятилетий до публикации «Американского ориентализма» увидела свет работа директора Американского университета в Каире Дж. Бадю. Этот историк, работавший также при администрации Дж.Ф. Кеннеди послом США в этой арабской столице, считал одной из ошибок ближневосточной политики Соединенных Штатов ее излишнюю прямолинейность. «Довольно часто проблемы (США на Арабском Востоке. — *В.Р.*) возникали из-за моралистического подхода, например, когда госсекретарь Даллес пророчил провал национализации Суэцкого канала, будучи убежденным, что для этого достаточно сил мирового морального осуждения», — утверждал Дж. Бадю. Подытоживая свой собственный опыт академической и дипломатической работы, этот американский специалист пришел к выводу, с которым трудно спорить:

«Те, кто знает этот регион, знают и то, что здесь не бывает простых ответов на вопросы. Внутренние противоречия арабской политики слишком глубоки, темп перемен чересчур скор, различия в интересах между отдельными государствами столь велики, что нет другого варианта, кроме гибкого и изощренного подхода»¹⁴.

Работа Дж. Бадю отражала политические реалии начала 1960-х гг. Тональность этого подхода была задана не кем иным, как Дж.Ф. Кеннеди, который в ходе предвыборной кампании 1960 г. произнес речь, содержание которой сохраняет актуальность вплоть до наших дней. Будучи тогда еще сенатором от Массачусетса, он заявлял:

«Мы допускаем просто смертельные ошибки на Ближнем Востоке. Мы переоцениваем свои собственные силы и недооцениваем силу национализма. Мы перестаем воспринимать реальность, когда теряем контроль над событиями, а когда это становится ясно, мы не можем действовать адекватно. Вместо того, чтобы поддерживать народ, мы поддерживаем режимы...»¹⁵

¹⁴ *Badeau J.* The American Approach to the Arab World. New York, 1968. P. 196–197.

¹⁵ «A New Look at the Middle East» // John F. Kennedy Library. The Papers of President Kennedy. Pre-Presidential Papers. Senate Files. Speeches and the Press Speech Files 1953–1960. Box 916.

С «цивилизационной школой» спорит другой американский автор — С. Якуб. Он считает, что говорить о конфликте политических культур в период 1950-х гг. не совсем верно, поскольку, например, американо-египетские отношения при Г.А. Насере развивались в рамках системы практически одинаковых моральных ценностей. Американские политики и египетский президент действовали в соответствии с принципами «реальной политики», и Г.А. Насер испытывал уважение к Д. Эйзенхауэру, которого никогда не критиковал публично как личность при частых нападках на внешнюю политику США в целом. Другое дело, что к началу XXI в. характер американо-арабских отношений в значительной мере поменялся. С. Якуб в несколько идиллической манере отмечает, что в 1950-е гг. репутация Соединенных Штатов в арабском мире была довольно неплохой:

«<...> каждый взрослый араб помнил время, когда американские интересы были миссионерскими, филантропическими, образовательными или коммерческими, и через десять лет после окончания Второй мировой войны резервуар доброго отношения арабов к Америке еще не был исчерпан»¹⁶.

Особняком в историографии Суэцкого кризиса находятся работы, посвященные американо-израильским отношениям периода администрации Д. Эйзенхауэра. Одно из самых известных исследований этого направления принадлежит перу профессора Куинс-колледжа Университета штата Нью-Йорк И. Альтерасу. Он в своей книге оспорил устоявшееся в историографии мнение о том, что республиканское руководство США испытывало неприязнь к Израилю. Действительно, подчеркивает И. Альтерас, в 1953–1957 г. Соединенные Штаты минимизировали свои отношения с Израилем, чтобы не оттолкнуть от себя арабский мир, и Дж.Ф. Даллес предпочитал формулировать эти отношения как «дружеская беспристрастность». Но не следует упрекать руководство республиканцев в антипатии к Израилю, считает этот автор, хотя «подход Эйзенхауэра и Даллеса к Израилю был далек от сентиментальности». На самом деле, продолжает И. Альтерас, этот подход «основывался на практических интересах, на решении вопроса — как поддержка Израиля может служить национальным интересам США в условиях соперничества с Советским Союзом в рамках холодной войны»¹⁷.

¹⁶ *Yaquub S. Containing Arab Nationalism: The Eisenhower Doctrine and the Middle East.* Chapell Hill (N.C.); London, 2004. P. 272.

¹⁷ *Alteras I. Eisenhower and Israel: U.S.-Israeli Relations, 1953–1960.* Gainesville (Fla.), 1993. P. 315, 318.

Одним из тех авторов, кто полемизировал в этом вопросе с И. Альтерасом, был профессор Оксфордского университета А. Шлаим. Отмечая стремление администрации Д. Эйзенхауэра проводить сбалансированную, по крайней мере внешне, политику в отношении и арабских стран и Израиля, А. Шлаим приводит в одной из своих работ слова Дж.Ф. Даллеса, назвавшего Израиль в частном разговоре с британскими коллегами «камнем на наших шеях»¹⁸, что ставит под сомнение тезис о «дружеской беспристрастности» американского госсекретаря.

Чем шире становился круг доступных источников, тем критичнее вырисовывался подход американских и британских историков к Суэцкому кризису и к политике западных стран в период кризиса. И это не удивительно. Как заметил британский историк М. Кёртис, Суэцкая военная операция 1956 г. является едва ли не единственной британской интервенцией новейшего времени, которую принято в основном критиковать. И критикуют, как правило, не за то, что Соединенное Королевство совершило акт агрессии по отношению к Египту, а за то, что «Британия проиграла»¹⁹. Отметим спорность подобного заявления. Моральная победа, действительно, осталась за Каиром, но Лондон сумел вовремя остановить свою военную операцию, не доводя дело до затяжного конфликта.

Среди критиков сторон, вовлеченных в Суэцкий кризис, можно выделить обстоятельный анализ, проведенный профессором Бостонского университета П. Лахав. Она приходит к выводу о том, что легкомысленная вовлеченность Великобритании в этот конфликт, имевшая весьма болезненные последствия для Британской империи, произошла из-за нарушения принципов сдержек и противовесов, заложенных в Вестминстерскую политическую систему. Окончательное решение о вступлении в сговор с Францией и Израилем взяла на себя исполнительная власть, которой было делегировано слишком много полномочий. В итоге «три премьер-министра, скоординировавшие свои усилия, чтобы спланировать войну, вызвали масштабную разобщенность внутри своих правительств, маргинализировали собственные Министерства иностранных дел и заставили замолчать голос дипломатии»²⁰.

Суэцкий кризис, по мнению П. Лахав, стал не только одним из главных конфликтов 1950-х гг., но и всей второй половины XX в.: «Он остудил веру послевоенной эпохи в справедливость международного права. Стало ясно, что правом можно манипулировать. Таким

¹⁸ *Shlaim A.* The Iron Wall: Israel and Arab World. London, 2001. P. 204.

¹⁹ *Curtis M.* Web of Deceit: Britain's Real Role in the World. London, 2003. P. 3–4.

²⁰ *Lahav P.* The Suez Crisis of 1956 and Its Aftermath: A Comparative Study of Constitutions, Use of Force, Diplomacy and International Relations // Boston University Law Review. 2015. Vol. 95. No. 4. P. 1352.

образом, Суэцкий кризис не сдержал, а, наоборот, способствовал появлению новых войн»²¹.

Особенно «досталось» от критического разбора П. Лахав Соединенным Штатам, где, казалось бы, принцип сдержек и противовесов заложен конституционными основами американского общества. Но даже и здесь контроль законодательной власти над вопросом вступления страны в войну был ослаблен. В итоге «Соединенные Штаты, играя роль главного миротворца, сами едва не ввязались в военные действия в результате данного кризиса, а впоследствии все больше и больше запутывались в периодических пожарищах на Ближнем Востоке»²². Провозглашенный президентом Д. Эйзенхауэром принцип приверженности морали и верховенству права оказался погран, поскольку Соединенные Штаты «похоже, были готовы закрыть глаза на почитаемые принципы, если бы воюющие стороны проявили больше решимости и мастерства в достижении своих целей»²³.

П. Лахав затронула проблему чрезмерных полномочий глав исполнительной власти в таком ответственном деле, как вовлечение страны в военные действия. Трудно не согласиться с ее выводом, что судьба государства становится заложником личных качеств национального лидера, его осведомленности и даже состояния здоровья.

В этом отношении не удивительно появление значительного количества трудов, посвященных А. Идену и его мотивов поведения во время Суэцкого кризиса. Можно сказать, что А. Иден стал наиболее пострадавшей политической фигурой в результате Суэцкого кризиса. Через несколько недель после окончания военных действий в районе Суэцкого канала он вынужден был уйти в отставку с поста премьер-министра. Крах его политической карьеры, как считает Л.Ф. Браун из Университета Ратгерса (США), можно понять, если проследить, как формировались его взгляды на мир — и на Восток, в частности.

Американский историк обращает внимание на то, что в исследовательской литературе совершенно справедливо указывают на ту роль, которую сыграла в политической философии А. Идена политика умиротворения гитлеровской Германии. Иден был одним из противников Мюнхенского сговора (1938) и смотрел на Г.А. Насера сквозь призму своего отношения к Гитлеру. По его мнению, египетский президент представлял такую же угрозу британским интересам, как и нацистский фюрер для безопасности всего мира. Поэтому его нужно было остановить, пока не поздно²⁴.

²¹ Ibid. P. 1352.

²² Ibid. P. 1351.

²³ Ibid. P. 1352.

²⁴ *Braun L.F. Suez Reconsidered: Anthony Eden's Orientalism and the Suez Crisis // The Historian. 2003. Vol. 65. No. 3. P. 558.*

Но Л.Ф. Браун указывает на еще один фактор, незаслуженно обойденный вниманием исследователей, — на тот отпечаток, который наложило на А. Идена его образование в Оксфордском университете. А. Иден поступил в оксфордский колледж Крайст-Чёрч осенью 1919 г. в возрасте 22 лет сразу же после демобилизации из армии. В колледже он выбрал своей специализацией персидский и арабский языки, возможно под влиянием пребывания в Месопотамии в составе миссии М. Сайкса в 1916 г.

Обучение под руководством профессора Д.С. Маргулиса привело к увлечению Идена персидской и арабской литературой, неплохому знанию Корана, но вместе с тем, как отмечает Л.Ф. Браун, сформировало типично ориенталистский взгляд на Восток. Следует напомнить, что «ориентализм» в понимании Э. Саида отражал отношение к Востоку как интересному, романтизированному предмету, но отстающему в своем развитии от Запада. Отсюда возникал покровительственный подход западных стран к обществам Азии и Африки. Поэтому и Г.А. Насер в глазах А. Идена представлял собой угрозу не только британским интересам, но и всему арабскому миру. В том, что у Великобритании есть законное право решать — что соответствует интересам арабов, а что нет, — британский премьер-министр, видимо, не сомневался. Разгром Г.А. Насера и возвращение Суэцкого канала под международный контроль рассматривался А. Иденом как необходимые условия восстановления порядка в регионе. А в результате, приходит к выводу Л.Ф. Браун, «не будет натяжкой предположить, что Суэцкий кризис, который привел к свержению премьер-министра и оказался предсмертным вздохом Британии в играх империй, был одновременно продуктом и отражением ориентализма»²⁵.

Некоторые авторы возлагают вину за ошибочные решения А. Идена на состояние его здоровья. Так, член палаты лордов Д. Оуэн указывает на то, что в 1953 г. Идену провели очень неудачную операцию на желчном пузыре, из-за которой британский политик получил травму желчного протока. В результате у него периодически возникали приступы холангита, что случилось и во время Суэцкого кризиса. В итоге, отмечает лорд Оуэн, «в отношении трех важнейших решений — вступить в сговор с Израилем; ввести американского президента в заблуждение и лгать палате общин даже после вторжения — я считаю, что его аналитические способности были ослаблены, а его болезнь и лечение лишь способствовали этому»²⁶.

²⁵ *Braun L.F.* Op. cit. P. 561.

²⁶ *The Rt Hon Lord Owen CH.* The Effect of Prime Minister Anthony Eden's Illness on His Decision-Making During the Suez Crisis // *An International Journal of Medicine.* 2005. Vol. 98. No. 6. P. 401.

Впрочем, не все авторы склонны усматривать причину «морального банкротства» А. Идена (выражение британского автора Э. Стокуэлла) лишь в его плохой физической форме. Тот же Стокуэлл считает, что британский премьер-министр оказался попросту не готов к роли лидера нации. «В случае с Суэцем Иден оказался некомпетентен в бисмарковском искусстве возможного и в том, что Джон Гэлбрейт называл ловкостью выбора между катастрофой и неприятностью. У него не оказалось ни жесткости, ни достаточного прагматизма, чтобы действовать в русле *Realpolitik*», — откровенно признавал Э. Стокуэлл²⁷. Основной причиной, по которой против Идена ополчились его критики, было то, что британский премьер-министр пошел на откровенный обман нации, отрицая публично перед британским парламентом причастность Лондона к сговору против Египта.

Суэцкий кризис не был ни первым, ни последним случаем, когда Великобритания применила силу в ситуации, имевшей самые разные мирные варианты решения, а британские политики лгали нации и до, и после 1956 г. В чем же тогда заключается значение этого кризиса? В том, убежден Э. Стокуэлл, что он проявил моральное разложение британской правящей элиты, и не только лишь одного Идена. Британский исследователь указывал на поведение министра финансов Г. Макмиллана. Глава британского Казначейства вел двойную игру во время Суэцкого кризиса. Сначала он активно выступал за силовой вариант решения ситуации в Египте, но с пробуксовкой военной операции резко переметнулся в противоположный лагерь, за что заслужил среди историков такую характеристику — «первый на входе, первый на выходе» («first in, first out»). В конце концов именно Макмиллан сменил Идена в должности главы кабинета министров. Э. Стокуэлл считает, что моральная деградация британских политиков привела к тому, что через 10–15 лет после Суэцкого кризиса Британская империя прекратила свое существование²⁸.

Неприглядное поведение Великобритании во время Суэцкого кризиса стало одной из главных причин того, что британские политики весьма неохотно говорили об этом кризисе. Г. Макмиллан, уже став премьер-министром, яростно сопротивлялся любым попыткам опубликовать документы по Суэцкому кризису. Заметим, что этот негласный запрет действует до сих пор. Когда составлялось многотомное издание «Британских документов о конце империи» на рубеже XX–XXI вв., то Суэцкий кризис был старательно обойден вниманием.

²⁷ Stockwell A.J. Suez 1956 and the Moral Disarmament of the British Empire // Reassessing Suez 1956: New Perspectives on the Crisis and its Aftermath / Ed. by S. Smith. Aldershot (England); Burlington (Vt.), 2008. P. 234.

²⁸ Ibid. P. 232.

Были опубликованы документы, посвященные предсуэцкому и пост-суэцкому периодам, но так и нет тома, посвященного кризису 1956 г.²⁹ Кстати, в США поступили иначе. В знаменитой серии документов «Внешней политики Соединенных Штатов» в 1990 г. был опубликован солидный, почти на полторы тысячи страниц сборник документов, посвященных Суэцкому кризису³⁰. Но и в нем документы были подобраны таким образом, чтобы не возникло сомнений в отсутствии агрессивных намерений у Вашингтона, нацеленного якобы только лишь на дипломатическое урегулирование Суэцкого кризиса.

Истинная позиция Соединенных Штатов вскрывается при сопоставлении американских и британских документов. Как следует из архивных материалов, в которых отражен визит Г. Макмиллана в США в сентябре 1956 г., США не исключали применения силы против Египта. Если верить отчету тогдашнего министра финансов о его встречах с американским руководством, Соединенные Штаты не возражали против силового свержения Насера, но только после проведения президентских выборов в США³¹.

Желание Великобритании не выпячивать свою неприглядную роль в сговоре против Египта подтолкнуло П. Бека из Кингстонского университета назвать свое исследование так: «Чем меньше говорят о Суэце, тем лучше». Сменявшие друг друга британские правительства словно сговорились удерживать завесу секретности по вопросам, связанным с Суэцким кризисом, отмечает П. Бек. В качестве доказательства он приводит любопытный диалог между генеральным директором Би-би-си Х. Грантом и секретарем Г. Макмиллана Н. Бруком. Глава ведущей британской теле- и радиокорпорации в 1966 г. заметил, что надеется на то, что правда о Суэце когда-нибудь станет известной. В ответ Н. Брук проронил: «Чертовски хорошо было бы, чтобы вся правда никогда не всплыла наружу»³².

То, какую правду не хочет обнародовать Уайтхолл, становится понятно из реплики бывшего сотрудника Форин оффис Б. Бардера, ко-

²⁹ British Documents on the End of Empire (далее: BDEE). Series B. Vol. 4. Egypt and the Defence of the Middle East. Part III. 1953–1956. London, 1998; BDEE. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957–1964. Part I. High Policy, Political and Constitutional Change. London, 2000; BDEE. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957–1964. Part II. Economics, International Relations, and the Commonwealth. London, 2000.

³⁰ Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XVI. Suez Crisis. July 26 – December 31, 1956. Washington (D.C.), 1990.

³¹ Note of a Private Talk with Mr. Dulles. Draft by Harold Macmillan. September 25, 1956 // The National Archives of the United Kingdom. PREM 11/1102.

³² Beck P. «The Less Said about Suez the Better»: British Governments and the Politics of Suez's History, 1956–67 // The English Historical Review. 2009. Vol. 124. No. 508. P. 605.

торый так отозвался о Суэцком кризисе: «(это было. — *В.Р.*) преднамеренное создание такой ситуации, в которой мы настаивали на своем праве вмешаться в то, что сами же и сфабриковали»³³. Другими словами, цинизм британской политики заключался в том, чтобы вступить в сговор с инициаторами агрессии против Египта — Францией и Израилем и под предлогом прекращения военных действий в зоне Суэцкого канала принять в них деятельное участие.

Но был ли Суэцкий кризис действительно таким водоразделом, определившим и быстрый распад империи, и уход Великобритании из Юго-Восточной и Юго-Западной Азии? В этом вопросе в американской и британской историографии существуют две противоположные точки зрения. Согласно первой, Суэцкий кризис стал триггером ускоренного распада империи и последней попыткой действовать как мощная, способная к самостоятельным акциям, сила. Популярным приемом, к которому прибегнул, например, американский дипломат и разведчик, служивший во время Суэцкого кризиса заместителем главы миссии ЦРУ в Лондоне, Ч. Купер, стало сравнение поведения Великобритании с дряхлеющим львом, способным еще издавать грозное рычание, но не представляющим никакой опасности для других животных³⁴.

Это сравнение было подхвачено исследователем из Университета Бейлора (Техас, США) Р. Фаулером, который добавил, что «предсмертный рык льва» был сопровождается первым полетом орла. То есть на смену британскому влиянию в регионе пришло американское³⁵. По другую сторону Атлантики Суэцкий кризис тоже нередко рассматривался как последний акт империи. Дж. Франкль из Королевского института изучения международных отношений заявлял, что Суэцкий кризис «покончил с независимой ролью Великобритании на Ближнем Востоке, продемонстрировав отсутствие решимости и неспособность действовать без поддержки США, а кроме того, было подорвано доверие к Содружеству как средству сохранения мирового лидерства»³⁶.

Расхожим мнением, преобладавшим до 1990-х гг., стало убеждение, что Суэцкий кризис подорвал веру самих англичан в собственные силы, а окружающего мира — в то, что Великобритания является глобальной державой. Несоразмерность некогда могущественной империи и Египта в лице Г.А. Насера, устоявшего перед тройственной

³³ Ibid. P 606.

³⁴ Cooper C. The Lion's Last Roar: Suez, 1956. New York, 1978.

³⁵ Fowler R. Lion's Last Roar, Eagle's First Flight: Eisenhower and the Suez Crisis of 1956 // Rhetoric & Public Affairs. 2017. Vol. 20. No. 1. P. 33.

³⁶ Frankel J. British Foreign Policy, 1945–1973. London, 1975. P. 162.

агрессией, навела кембриджского историка Д. Рейнолдса на очередную анималистическую параллель: «То, что бывший полковник потаскал льва за его хвост, и это сошло ему с рук, нанесло ощутимый удар по национальному самоуважению и международному престижу (Соединенного Королевства. — *B.P.*)»³⁷.

Эта же позиция нашла отражение в фундаментальном коллективном труде авторов из разных стран мира, ставшим результатом ряда международных конференций, посвященных истории Суэцкого кризиса и опубликованном в 1989 г.³⁸ В работе над этим сборником приняли участие известные зарубежные авторы, такие как Р. Боуи, Дж. Кэмпбелл, К. Кайл, У.Р. Льюис, Р. Оуэн и др. По замыслу составителей, эта работа должна была иметь итоговый характер, подводя черту под дискуссиями по истории наиболее острого международного конфликта на Ближнем Востоке 1950-х гг. Отдавая должное основательности этого труда, следует отметить, что его авторы не вышли за пределы устоявшейся парадигмы резкого падения британского влияния в результате Суэцкого кризиса и прихода ему на смену американского.

По мере того как с конца 1980-х гг. рассекречивались архивные материалы, происходил и постепенный пересмотр оценки Суэцкого кризиса в политике США и Великобритании. Возникла вторая точка зрения на этот конфликт. Появилась группа исследователей, которых условно можно назвать «ревизионистами». Они подвергли сомнению взгляд на Суэцкий кризис как на поворотный момент истории британского, да и американского присутствия на Ближнем Востоке.

Так, Дж. Пэйден из Стерлингского университета, расположенного в Шотландии, считает, что переоценка британской политической элитой роли страны в мировых делах произошла не из-за провала в Суэцкой операции, а по причине колоссально возросших расходов на оборону, которые британская экономика была не в состоянии себе позволить. За период с 1950 по 1958 г. эти расходы росли ежегодно на 7% быстрее чем рос ВВП страны, и переломить эту тенденцию Соединенное Королевство было не в состоянии. Поэтому, как считает Дж. Пэйден, «Суэц был не более чем обычным водоворотом в бурном потоке истории... Не было никакой драматичной перемены роли Великобритании в мировых делах после 1956 г. Уход с Ближнего Востока, который начался в 1948 г., не превратился в бегство, а ускорение деколонизации в Африке после 1959 г. стало результатом целого комплекса причин... Психологический шок Суэца высветил реалии положения Великобритании в мировой политике, но необходимость перемен по-

³⁷ Reynolds D. *Britannia Overruled: British Policy and World Power in the 20th Century*. London, 1991. P. 205.

³⁸ Suez 1956. *The Crisis and its Consequences* / Ed. by Wm. Louis, R. Owen. Oxford, 1989.

чувствовалась, даже если бы Насер не национализировал (Суэцкий. — В.Р.) канал»³⁹.

Таким образом, необходимость сокращения внешнеполитических обязательств Великобритании, с точки зрения «ревизионистов», проистекала не из-за «уроков Суэца», а сугубо по экономическим соображениям. Все тот же Дж. Пэйден указывает на то, что Министерство финансов Великобритании предлагало осуществить уход с территорий «к востоку от Суэца» еще в 1960 г. И решение об этом не принималось до 1967 г. исключительно по причине давления со стороны США, которые были заинтересованы в британском присутствии в Азии, в условиях занятости Соединенными Штатами войной во Вьетнаме⁴⁰.

Британский исследователь Н. Эштон считает, что сворачивание британского присутствия в Азии было ускорено даже не Суэцким кризисом, а событиями, которые произошли двумя годами позже него — революцией в Ираке 1958 г. и отправкой американского десанта в Ливан, а британского — в Иорданию в целях сохранения и поддержки прозападных режимов в Бейруте и Аммане⁴¹.

Схожие оценки наблюдаются в историографии и в отношении роли Суэцкого кризиса для американско-британских отношений на Ближнем Востоке. Долгое время считалось, что этот конфликт стал водоразделом не только для Британской империи, но и для отношений партнеров по НАТО, между которыми произошла рокировка позиций — «лев уступил место орлу». Преподаватель Бирмингемского университета У.С. Лукас заявлял, что после Суэцкого кризиса, «ради того чтобы восстановить англо-американский альянс, Великобритания заплатила тем, что отныне всегда подчинялась американской политике»⁴². Американские авторы Р. Боуи, Д. Нефф, С. Фрайбергер также считали события 1956 г. исходной точкой американского лидерства среди западных держав в Ближневосточном регионе⁴³.

Одним из первых, кто подверг сомнению «теорию внезапной рокировки», стал Р. Овендэйл из Университета Аберистуита в Уэльсе. Он высказал идею о том, что не было никакой резкой смены западного

³⁹ *Peden G.C.* Suez and Britain's Decline as a World Power // *The Historical Journal*. 2012. Vol. 55. No. 4. P. 1095.

⁴⁰ *Ibid.* P. 1094.

⁴¹ *Ashton N.J.* A Microcosm of Decline: British Loss of Nerve and Military Intervention in Jordan and Kuwait, 1958 and 1961 // *The Historical Journal*. 1997. Vol. 40. No. 4. P. 1069–1083.

⁴² *Cooper C.* The Lion's Last Roar: Suez, 1956. New York, 1978; *Lucas W.S.* Divided We Stand: Britain, the US and the Suez Crisis. London, 1991. P. 324.

⁴³ *Bowie R.* Suez 1956. London; New York, 1974; *Neff D.* Warriors at Suez: Eisenhower Takes America into Middle East. New York, 1981; *Freiberger S.* Dawn over Suez: the Rise of American Power in the Middle East, 1953–1957. Chicago, 1992.

лидера на Ближнем Востоке, а происходила плавная «передача власти» от Великобритании Соединенным Штатам. Завершилась эта перестановка лишь в 1958 г. в связи с событиями в Ливане и Иордании. В итоге «Америка оказалась на месте Британии, но это было именно то, чего хотела сама Британия»⁴⁴.

Взгляд на Суэцкий кризис как на водораздел в американско-британских отношениях на Ближнем Востоке раскритиковал и С. Смит из Университета Халла в Йоркшире. Он полагает, что утрата Великобританией своих позиций в регионе представляла собой прерывистый и незавершенный процесс. Более того, он настаивает на том, что Соединенные Штаты в силу своей занятости войной во Вьетнаме были заинтересованы в том, чтобы Великобритания сохраняла свое присутствие на Ближнем Востоке как можно дольше, и вовсе не стремились занять здесь британское «место». С другой стороны, подчеркивает С. Смит, и Великобритания не спешила уходить из региона, чтобы не ставить под удар свои экономические и политические интересы в других районах мира. Перефразируя Р. Овендейла, С. Смит резюмировал: «Британия оставалась в регионе. Но это было то, чего хотела Америка»⁴⁵.

Спустя более чем полвека после окончания Суэцкого кризиса пришло понимание, что этот международный конфликт не выдерживает односторонних трактовок в духе «Британия проиграла, и Соединенные Штаты заняли ее место». Трансформируется и мнение прежних сторонников «теории рокировки». Показательной является эволюция взглядов одного из наиболее авторитетных исследователей кризиса 1956 г. — У.С. Лукаса. В сборнике, который словно бы подводил итоги тем переменам в историографии, которые произошли за 25 лет после публикации коллективной монографии, вышедшей в свет в 1989 г., он отмечал: «Район (Суэцкого. — *В.Р.*) канала больше не является тем местом, которое отражает исключительно нарративы британского краха (доблестного ли, или же унижительного), американского маневрирования (основанного на соблюдении морали, или же злонамеренного), французских и израильских интриг. Насер больше не существует только лишь в двух измерениях — либо как советская марионетка, либо как арабский демагог»⁴⁶. В заключении сборника У.С. Лукас делает главный вывод: «Основной динамикой региона с 1958 г. и до 1967 г., а по-

⁴⁴ *Ovendale R.* Britain, the United States, and the Transfer of Power in the Middle East. London; New York, 1996. P. 211.

⁴⁵ *Smith S.* «America in Britain's Place?»: Anglo-American Relations and the Middle East in the Aftermath of the Suez Crisis // *Journal of Transatlantic Studies*. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 264.

⁴⁶ *Lucas W.S.* Conclusion // *Reassessing Suez 1956: New Perspectives on the Crisis and Its Aftermath*. P. 239.

том и после 1979 г. управляли не западные страны, а местные политические силы»⁴⁷.

У.С. Лукас призывает к более широкому взгляду на Суэцкий кризис. Во-первых, он предлагает рассматривать конфликт 1956 г. как лишь одно из звеньев цепочки событий, имевшее продолжение и в 1958 г., и во время Шестидневной войны 1967 г. И эта цепочка тянулась вплоть до военных действий антииракских коалиций в 1991 г. и в 2003 г. Британский исследователь проводит прямые параллели между событиями, которые разделяли почти полвека. Он обращает внимание на то, что министр обороны США Д. Рамсфельд на первом же заседании Совета национальной безопасности администрации Дж. Буша-мл. в январе 2001 г. предложил руководствоваться той же логикой, что и А. Иден в 1956 г. Он настаивал, что устранение всего только одного политика способно укрепить западное влияние в Ближневосточном регионе: «Только представьте, каким может стать регион без Саддама (Хусейна. — *В.Р.*) и с режимом, который станет союзническим для США!»⁴⁸

Таким образом, вне зависимости от того разделяют или нет американские и британские авторы точку зрения о Суэцком кризисе как о рубежном событии для ближневосточной политики США и Соединенного Королевства, можно констатировать наличие дискуссионного поля в историографии ближневосточного конфликта 1956 г. Можно отметить также различную степень проработанности этой темы. В целом исследования британских авторов отличается большая глубина анализа и концептуальность их трудов. Американские исследования тоже нельзя назвать поверхностными, но для авторов из США нередко характерно повторение подходов их предшественников, отсутствие или расплывчатость собственной, отличающейся от других авторской концепции.

Эту разницу в оценках можно связать и с более длительной традицией востоковедческих исследований в британских научных центрах, и с тем, что Суэцкий кризис по-прежнему представляет для «Туманного Альбиона» болезненную тему, связанную не только с утратой мировых позиций, но и с определенного рода национальной травмой, вызванной вопросами двуличия поведения лидеров государства. И наконец, еще одной причиной столь серьезного внимания к кризису, случившемуся более полувека назад, является то, что его уроки актуальны и для сегодняшнего дня. Как отметил специалист в области военно-морской истории Великобритании и сам бывший офицер флота

⁴⁷ Ibid. P. 242.

⁴⁸ Ibidem.

Ее Величества М. Коулз, «возможно, самый главный вывод, который можно сделать из Суэца, заключается в том, что ошибочные политические решения могут привести к ошибочной военной стратегии»⁴⁹. Другими словами, как говорил американский философ Дж. Сантаяна, тот, кто не выучил уроки прошлого, обречен на то, чтобы переживать его вновь.

⁴⁹ *Coles M. Suez, 1956: A Successful Naval Operation Compromised by Inept Political Leadership // Naval War College Review. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 100.*